

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008(091)

Л. М. Архипова

О крутизне «мемориальных» поворотов в современной историографии

В статье актуализирован вопрос о духовных аспектах использования социокультурного феномена «историческая память» в гуманитарных исследованиях, представлен взгляд автора на проблему деидеологизации исторического знания. Опираясь на результаты историографических исследований последних лет, посвященных таким направлениям, как «историзация памяти», «политика памяти», автор сравнивает постмодернистскую и религиозно-философскую парадигмы разрешения гносеологического конфликта между психоэмоциональным и рациональным восприятием прошлого. Свидетельства социально-психологических последствий проникновения релятивистского духа современных концепций исторической памяти в исследовательскую практику и затем в общественное сознание оцениваются в статье как проявления утраты той устойчивой шкалы духовных ценностей, без которых оценочное по своей природе историческое знание не может существовать. Признавая в целом положительное значение интенсивно происходящей «историзации культуры», автор разделяет беспокойство историков-профессионалов о надвигающемся «обобществлении» и, соответственно, о нарастающем дилетантизме производства исторических знаний, при которых постмодернистский тезис о написании каждым историком своей истории становится оправдательным для любых спекулятивных инсинуаций. Выход из крутых «мемориальных» поворотов на прямой путь научной истории видится автору в смене мировоззренческих вех, совершенствовании источниковедческой критики, повышении профессиональной подготовки специалистов – исследователей и популяризаторов исторической науки. Научно-публицистический стиль статьи, в котором недвусмысленно выражена позиция автора по актуальной проблеме развития общественного исторического сознания, провоцирует соответствующую дискуссию.

Ключевые слова: концепции исторической памяти, мемориальный поворот, аксиология, релятивистский дух, историзация культуры, обобществление производства исторических знаний, ответственность, профессионализм, историософия.

HISTORICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

L. M. Arkhipova

About Steepness of "Memorial" Turns in Modern Historiography

In the article the question about spiritual aspects of use of the sociocultural phenomenon "historical memory" in humanitarian researches is staticized, the author's view on the problem of deideologization of historical knowledge is presented. Relying on results of historiographic researches of last years which were devoted to such directions as "memory historization", "policy of memory", the author compares post-modernist and religious and philosophical paradigms to solve a gnoseological conflict between psychoemotional and rational perception of the past. Proofs of social and psychological consequences of penetration of the relativistic spirit of modern concepts of historical memory into the research practice and then into the public consciousness are regarded in the article as manifestations of the loss of that steady scale of the cultural wealth without which the estimated historical knowledge by its nature can't exist. Recognizing in general a positive value of "culture historization" intensively occurring, the author shares concerns of professional historians on approaching "nationalization" and, respectively, about the accruing dilettantism in production of historical knowledge when the postmodernist thesis, that each historian is writing his history, becomes justificatory for any speculative insinuations. The exit from steep "memorial turns" to the direct way of scientific history is considered by the author in change of the world outlook milestones, improvement of source study criticism, increase of

professional training of experts – researchers and popular writers of the historical science. A scientific-journalistic style of the article in which the author's position on the urgent problem of the development of public historical consciousness is unambiguously presented, provokes a corresponding discussion.

Keywords: concepts of historical memory, a memorial turn, axiology, relativistic spirit, culture historization, nationalization of historical knowledge production, responsibility, professionalism, historiosophy.

Познавательная деятельность приводит всегда к истине или к лжи.

Н. О. Лосский [4, с. 198]

Одной из актуальных проблем современной исторической науки является исследование «исторической памяти» как социокультурного феномена, который непосредственно взаимодействует с историческим сознанием, служит базой для национально-государственной, религиозной, социальной, политической идентичности личности. В формировании «исторической памяти» активно участвуют общественность, политики и журналисты, деятели культуры и педагоги, а также любой гражданин, имеющий исторически значимый опыт прошлого и передающий его новым поколениям даже в пределах своей семьи. Разность мировоззрений, политических интересов всех отмеченных субъектов «исторической памяти» приводит к множественности оценок исторических событий, вносит хаос в представления о прошлом, сопровождается скептическим отношением к истории как к науке. Но более опасным для судьбы страны следствием такого положения является культурный разрыв между поколениями.

Смысл и познавательную роль памяти осознали еще в древности. Лукреций выразил это в следующем замечании: «Если бы после смерти вещество нашего тела было вновь собрано временем и приведено в нынешний вид и если бы нам дано было вторично явиться на свет, то это все-таки не имело бы для нас никакого значения, так как *память о прошлом была бы уже прервана*» [5, с. 659].

На фоне системного кризиса рубежа XX–XXI вв., который социологи называют «концом знакомого мира», то есть мира глубоко и преимущественно рационально осмысленного, мира эпохи модерна или новейшего времени, происходит «смена вех» [1]. Она сопровождается заметным поиском новых теорий, новых инструментов гуманитарного познания. Интенсивность этих изысканий отражается в частой смене одних «поворотов» другими: вслед за «визуальным», «культурным», «психолингвистическим», «междисциплинарным», «мемориальным» явно наметился «психиатрический поворот». В исторической

науке нашего века признается, что «концептуальная связка *«память – идентичность – травма»* сегодня является одним из наиболее востребованных инструментов социально-гуманитарного анализа» [7, с. 9]. Обращение к психоанализу исторических явлений воспринимается неоднозначно в зависимости от подхода к определению содержания и целей исторической науки.

Историографическая ситуация относительно «исторической памяти» такова, что основные ее научные концепции уже не однажды служили самостоятельным предметом исследований. В них представлены варианты разной интерпретации «исторической памяти», развитие этого понятия в социологии и социальной психологии, выявляются проблемы влияния научного знания на обыденное сознание, затрагивается роль образования и других «функционалов памяти» в формировании исторических представлений [7, 8]. Это дает возможность, используя историографический материал известных публикаций, избежать непосредственного воспроизведения проанализированных в них конкретно-исторических построений и сосредоточить внимание на духовных аспектах отдельных концепций «исторической памяти».

В постмодернистской методологической парадигме, характеризующейся утратой ценностных, аксиологических основ знания, исследователи, раскрывая феномен «исторической памяти», указывают на ее избирательность, символичность и мифологичность, которые в своем единстве и формируют «целостный образ прошлого». Полученный в результате отбора, символизации, мифологизации и многократно воспроизведенный в социально-культурном пространстве «целостный образ прошлого» становится основой «коллективных» исторических представлений в обществе, обуславливает тот или иной тип исторического сознания. В постмодернистском подходе за *знанием*, хотя и признается важное место в историческом сознании, но все же подчеркивается, что не меньшим значением обладает и субъективно-эмоциональное отношение к нему, то есть оценка происшедшего.

Выделяется несколько типологий взаимосвязи исторической памяти и исторического сознания, построенных на соотносительности их с историческими эпохами и моделями мира.

Согласно одной из типологий, каждому историческому типу памяти соответствует определенная форма исторического сознания: архаической памяти – миф, традиционной – утопия, модерной – историческая наука или научная история. За признанием генетической связи между рациональной научной деятельностью и иррациональной, субъективно-эмоциональной памятью следует тезис об относительности результатов познания: «мы конструируем свое прошлое, которое приходит к нам из будущего (через улавливаемые тенденции в настоящем)» [7, с. 14].

Идея о креативной социальной функции исторической памяти выражена ясно – память не столько запечатлевает прошлое, сколько осуществляет его «ретроспективное реконструирование», то есть в той или иной мере создает его. «Содержание представлений о прошлом у индивидов и групп меняется в соответствии с социальным контекстом и практическими приоритетами: переупорядочивание или изменение коллективной памяти означает постоянное конструирование («изобретение») прошлого, которое бы подходило для настоящего» [7, с. 11].

Продолжая приведенную выше типологию, можно признать, что постмодернистской исторической памяти соответствует и свой, постмодернистский, тип исторического сознания, в котором относительность знания становится настолько доминирующим свойством, что допускаются ненаучные сведения.

Очевидно, что в такой трактовке «историческая память» понимается не в филологическом смысле как «свойство души хранить, помнить сознание о былом», а как исключительно идеологическая категория, как продукт социального творчества [2].

Следующим шагом в постмодернистских построениях служит раскрытие разнообразных возможностей использования этого замечательного свойства исторической памяти в научно-прикладном значении. В историографии появляются такие направления исследований, как «историзация памяти», «политика памяти», которые по содержанию напоминают либо анализ существующих стратегий, механизмов манипулирования общественным сознанием, в том числе историческим, либо, и это, безусловно, в худ-

шем для науки варианте, – «изобретение» таких механизмов.

Скептически настроенные критики заметного вторжения в историю и социальную психологию понятий из психоанализа иронично замечают: «В этом смысле психические заболевания, связанные с нарушением памяти, – настоящая находка для любителей метафор. Помимо амнезии, которую широко используют в литературе по исторической памяти, мы можем предложить их вниманию следующие недуги: гипомнезия – сокращение памяти; старческий маразм; охранительное вытеснение; криптомнезия – ложные воспоминания, вымысел, перемещение в другое время» [8, с. 187]. Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно, ведь речь идет о преобразовании истории под определенные цели посредством и сокращения памяти, и создания вымыслов, к части которых вполне применимы медицинские диагнозы.

Действительно, концепция «историзации памяти» вызывает ассоциации с врачебной терапией. В ней обращаются к отдельным субъектам (историзация автобиографической памяти), социальным группам, поколениям, нациям как к *травмированным* историческим прошлым, то есть уже утратившим свою идентификацию или следующим в направлении потери смысла существования. Выявляется широкий круг «препаратов» воздействия на неудобное, травмировавшее историческое событие. Например, *анонимация* предполагает говорить о «темном периоде», «злом роке» вместо описания злодеяний; *морализация* означает, что событие предстает в виде случая-предостережения. Выделяются также *эстетизация, метафизическая рефлексия, категоризация, специализация*. Каждому способу социальной терапии соответствует свой тип исторического повествования, связанный с типом исторического сознания: исторический нарратив традиционного типа, назидательного типа, критического типа, генетического типа. В случае успеха «лечения» путем «преобразования бессмысленности опыта прошлого в исторический смысл» «те, кто осознает свою вовлеченность и ответственность, снимают с себя это бремя, вынося прошлое за пределы собственной истории и проецируя ее на других людей (в частности, перемной ролей мучителей и жертв)» [7, с. 16]. Как говорит известная пословица, «черт кроется в деталях»: исторические события, особенно те, которые в процессе познания приобретают характер так называемых атомарных фактов, не

изменить, но при их интерпретации используется шанс кардинально изменить восприятие прошлого.

Об эффективности концепции «историзации памяти» как средства манипуляции общественным сознанием можно судить по тому, насколько из исторической памяти народов вытесняются знания о Второй мировой войне, происходит героизация врагов и предателей, как бывшие мучители признаются «жертвами», а воины-освободители от фашизма называются оккупантами, памятники настоящим жертвам геноцида оскверняются, демонтируются, побежденных воскрешают, победителей предают вечному забвению. Следовательно, чем меньше остается живых и непосредственных свидетелей реальных событий относительно недавнего прошлого, тем свободнее «конструировать прошлое, ... приходящее из будущего».

«Историзация памяти» как способ обретения нового исторического смысла – через объяснение к пониманию и принятию травмирующего опыта, – становится возможной благодаря тому, что с изменением социально-культурного контекста времени допускается изменение самой шкалы духовно-нравственных ценностей. Но, очевидно, что «терапия», не учитывающая неизменность понятий абсолютного добра и абсолютного зла, их первостепенное значение в жизни человечества, способна законсервировать социальную болезнь, добиться ремиссии, но не привести к полному выздоровлению.

«Политика памяти» как еще одно из концептуально оформленных направлений мемориальных исторических исследований, напротив, не дает поводов к пессимистическим прогнозам, поскольку имеет более прагматический характер, обладает жизнеспособностью. В историографической литературе отмечается, что «политика памяти» оказалась самой привлекательной, самой доступной, изобилующей материалами (как текстами, так и образами) и самой разработанной в исторических исследованиях, ориентированных на проблематику «памяти». Она связана с анализом роли политического проекта и, соответственно, заказа в формировании и закреплении достаточно конкретных знаний о прошлом, «обеспечивающих определенные социально-политические цели, задачи и ценности общества» [8, с. 194]. Характерно поэтому, что в трудах историков о «политике памяти», посвященных событиям недавнего прошлого, отмечается отчетливо выраженный «политический (идеологи-

ческий) способ аргументации», тогда как при анализе социальных представлений более отдаленного прошлого заметно «соблюдение нормы исследовательской дистанции» [8, с. 194].

Главными объектами «политики памяти» признаются образование, праздники, коммеморации, традиции и мемориалы, что актуализирует такие направления в исторической науке, как краеведение, локальная или региональная история, история культурной политики, история коммемораций, различные аспекты исторической антропологии, реконструкция массовых представлений о прошлом. Само по себе расширение проблемного поля исследовательской деятельности, безусловно, обогащает науку, приводит к более полному знанию, стимулирует дискуссии. Но постмодернистское влияние прослеживается и в этом новом «мемориальном повороте».

Так, обращаясь к прагматичной стороне истории, авторы этого направления неизбежно сталкиваются с вопросом «Чего нам нельзя забыть?», в котором есть аксиологический подтекст и можно все же уловить признание «священных страниц истории». Однако производный от него вопрос «что нам необходимо забыть?» вновь уводит от необходимости духовно-ценностного, неидеологического подхода к оценке прошлого.

Разнообразна и практика «политики памяти». Изгнание прошлого, не вписавшегося в новые политические проекты как государственных, так и оппозиционных сил, сопровождается множественностью смысловых версий исторических событий в школьных учебниках, в преподавании истории, отражается в актах вандализма по отношению к историческим памятникам, исчезновением старых названий улиц, городов и т. д.

Одновременно в обществе наблюдается рост интереса к истории, который проявляется в увеличении количества мемориальных мест, в развитии краеведческих музеев, посвященных отдельным сторонам исторического прошлого, распространении исторических обществ, возрождении обрядов, обычаев, в культурно-исторической реконструкции сражений или баблов, в частных генеалогических изысканиях и т. п. Наряду с положительными в целом сторонами интенсивно происходящей «историзации культуры», трудно не обратить внимание на то, что она включает в себе и опасность формирования в обыденном сознании ее участников дилетантских исторических представлений. Без научного объяснения событий и явлений прошлого, при отсутствии позитивных духовных установок,

познание вытесняется зрелищем, разумное сомнение в истинности оценки исторического события подменяется самоуверенностью.

«Сегодня звучат призывы к тому, чтобы сделать радикальный шаг к “демократизации” или, точнее, “обобществлению” процессов производства исторического знания. Например, пафос концепции американской исследовательницы С. Крейн состоит в протесте против модернистской формы “исторической памяти”, которую она называет “культурой консервации прошлого”. Эта форма, по ее мнению, заключается в навязывании индивиду, обладающему собственным историческим сознанием, той истории, которая создается историками» [8, с. 198].

Нетрудно заметить, насколько призыв С. Крейн созвучен постмодернистскому тезису о том, что «каждый историк пишет свою историю», то есть релятивистскому духу современных концепций «исторической памяти».

Французские историки столкнулись с «мемориальным уклоном» в науке и обществе в 70–80-е гг. XX в. и осознали, что он вызвал, с одной стороны, беспрецедентный подъем интереса к культурному наследию, потребность в «многоформенной» истории, а с другой – обнаружил отсутствие коллективного общественного проекта как основы национальной идентификации, поскольку «национальная история уступила место мозаике частных случаев памяти» [6, с. 316].

Для того, чтобы справиться с разрушительными последствиями «меморизации истории», с процессом подчинения истории памяти, исследователи во Франции пошли по пути признания функциональных различий в природе памяти и науки, в способах научного и психоэмоционального восприятия прошлого. При этом отмечались такие противоположные памяти свойства исторической науки, как проблематичность и рациональность, связь с анализом, критикой, доказательностью, принадлежность всеобщему, а не личному или групповому, временная преемственность и др.

«Мемориальный поворот» и современное историческое творчество в нашей стране отличаются от историографической ситуации во Франции прошлого века своим социокультурным контекстом: электронные средства массовой информации, интернет-ресурсы и социальные сети в сочетании с понижающимся уровнем исторической культуры в целом способствуют тому, что появляется «ложь на длинных ногах». При всех

спекулятивных инсинуациях, случавшихся в прошлые столетия в исторической науке как сфере гуманитарного, оценочного знания, они прежде никогда не достигали таких масштабов и настолько откровенной циничности, совершенно стирающей грани между добром и злом, как это наблюдается сейчас.

Озабоченность сообщества российских историков проблемой очищения науки от политической целесообразности, недопустимости «изобретения» прошлого и использования истории в качестве «социальной терапии» вполне очевидна и заслуживает внимания. Конструктивным является путь развития профессиональных качеств историков, занимающихся проблемой «исторической памяти». Прежде всего, необходимо адекватное понимание предмета изучения, которым в этом случае является «... способ, каким действующие в обществе индивиды наделяют смыслом свои практики и дискурсы» [10, с. 198]. Целью использования познавательной категории «историческая память» в конкретно-историческом исследовании может быть только описание образов, в которых когда-то жила «коллективная память», а не реконструкция идей [8, с. 216]. Заметим также, что в рассмотренных толкованиях исторической памяти исключительная роль отводится субъективным свойствам воспоминаний и игнорируется значение реальности, пусть даже в образном восприятии прошлого, что неверно. Представляется, что целесообразнее было бы в исторических источниках как основных объектах исторического исследования отмечать следы эмоциональной памяти и следы идеологических установок, или индивидуальные свойства мировосприятия автора источника и социально обусловленные смыслы (национальное, групповое, профессиональное и т. п.) в картинах, «образах» прошлого. Совершенствование источниковедческой критики было и остается приоритетным направлением развития теоретической основы гуманитарных исследований.

Справедливы замечания о необходимости повысить моральную ответственность историков перед обществом за результаты своего творчества, поддерживать этические нормы конкретно-исторической исследовательской практики. Правда, они воспринимаются как благие пожелания, поскольку соседствуют с честным и горьким признанием того, что сама «историография не обладает достаточно стойким иммунитетом от прагматических соображений» и общество имеет

«немало средств социального контроля над историей» [7, с. 35].

В *русской религиозной историософии* нет проблем с поиском смысла исторического прошлого, возможностью познания научной истины и профессиональной этикой. Теоретические положения, сформулированные еще в начале XX в. Л. П. Карсавиным, сохраняют актуальность в современной историографической ситуации. Он признавал, что предметом исторического исследования является социально-психическое, то есть все проявления человеческого духа. Историческая память входит в отмеченный предметный круг. При этом, «если историк может быть объективным, то никак не путем уничтожающего историю изъятия из нее «субъективных оценок», а только путем *восхождения над ними*. Объективность историка покоится на том, что *объективное бытие, истина и ценность – всеединство*, ограниченное и только по ограниченности своей недостаточно сущее, истинное и ценное во всем своем обнаружении» [3, с. 240].

На этих основах в отечественной науке было создано немало интересных и глубоких конкретно-исторических исследований, посвященных событиям далекого и неизменно актуального прошлого, запечатленного в сознании современников и переданного в произведениях культуры. На базе заново осмысленной ценностно-ориентированной историософской парадигмы гуманитарного познания у общества появляется шанс продвижения по пути к истине, а не ко лжи.

Библиографический список

1. Валлерстайн, Иммануэль. Конец знакомого мира: Социология XXI века [Текст] / Иммануэль Валлерстайн ; пер. с англ. под ред. В. И. Иноземцева. – М.: Логос, 2004. – 368 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III [Текст] / В. И. Даль. – М.: Цитадель, 1998. – 1782 с.
3. Карсавин, Л. П. Философия истории [Текст] / Л. П. Карсавин. – СПб.: АО «Комплект», 1993. – 351 с.
4. Лосский, Н. О. Обоснование интуитивизма [Текст] / Н. О. Лосский // Избранное. – М.: Правда, 1991. – С. 13–334.
5. Переключка веков: Размышления, суждения, высказывания [Текст]. – М.: Мысль, 1990. – С. 146.

6. Про, А. Двенадцать уроков по истории [Текст] / А. Про ; пер. Ю. В. Ткаченко. – М.: РГГУ, 2000. – 336 с.

7. Репина, Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти [Электронный ресурс] / Л. П. Репина. – Режим доступа: <http://roii.ru/crises/roii-crises-1.pdf>

8. Савельев, И. М., Полетаев, А. В. Историческая память: к вопросу о границах понятия [Текст] / И. М. Савельев, А. В. Полетаев // Феномен прошлого. – М.: ГУ ВШЭ, 2005. – С. 170–220.

9. Шартъе, Р. История сегодня: сомнения, вызовы, предложения [Текст] / Р. Шартъе ; пер. И. В. Дубровского // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 1995. – С. 192–205.

Bibliograficheskiy spisok

1. Vallerstajm, Immanujel'. Konec znakomogo mira: Sociologija XXI veka [Tekst] / Immanujel' Vallerstajm ; per, s angl. pod red. V. I. Inozemceva. – M.: Logos, 2004. – 368 s.
2. Dal', V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. T. III [Tekst] / V. I. Dal'. – M.: Citadel', 1998. – 1782 s.
3. Karsavin, L. P. Filosofija istorii [Tekst] / L. P. Karsavin. – SPb.: AO «Komplekt», 1993. – 351 s.
4. Losskij, N. O. Obosnovanie intuitivizma [Tekst] / N. O. Losskij // Izbrannoe. – M.: Pravda, 1991. – S. 13–334.
5. Pereklichka vekov: Razmyshlenija, suzhdenija, vyskazyvanija [Tekst]. – M.: Mysl', 1990. – S. 146.
6. Pro, A. Dvenadcat' urokov po istorii [Tekst] / A. Pro ; per. Ju. V. Tkachenko. – M.: RGGU, 2000. – 336 s.
7. Repina, L. P. Opyt social'nyh krizisov v istoricheskoj pamjati [Jelektronnyj resurs] / L. P. Repina. – Rezhim dostupa: <http://roii.ru/crises/roii-crises-1.pdf>
8. Savel'ev, I. M., Poletaev, A. V. Istoricheskaja pamjat': k voprosu o granicah ponjatija [Tekst] / I. M. Savel'ev, A. V. Poletaev // Fenomen proshlogo. – M.: GU VShJe, 2005. – S. 170–220.
9. Shart'e, R. Istorija segodnja: somnenija, vyzovy, predlozhenija [Tekst] / R. Shart'e ; per. I. V. Dubrovskogo // Odisej. Chelovek v istorii. – M.: Nauka, 1995. – S. 192–205.